

The background of the book cover is a collage of forensic and crime-related imagery. It features a large, stylized red splatter that resembles a bloodstain or a crime scene. Scattered around are various items: a silver bullet casing in the top left corner, a black bullet casing in the middle right, a red fingerprint in the middle left, a black bullet casing in the bottom middle, and another silver bullet casing in the bottom right. The overall color palette is dominated by red, black, and silver, set against a light, textured background.

Екатерина Калугина

Достояние государства

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Екатерина Калугина
Достояние государства

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Калугина Е. Н.

Достояние государства / Е. Н. Калугина — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Когда мы приводим своих детей в школу, то абсолютно уверены, что там с ними ничего плохого не произойдет. Мы отдаем самое дорогое туда, куда нам доступ закрыт. Что происходит там с ними? И кто ответит за страдания ребенка? Содержит нецензурную брань.

© Калугина Е. Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Екатерина Калугина

Достояние государства

Взрослые. Вероника

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана, в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

В который раз Вероника прочитала этот фрагмент любимой книги и в который раз поразились изяществу языка великого писателя и мастерству подбора языковых средств для начала повествования о Пилате. Каждое слово несёт в себе столько смыслов, уже само по себе являясь характеристикой человека и эпохи!

«Почему они этого не чувствуют?» Они – это ученики Вероники, точнее, Вероники Николаевны Кругловой, учителя русского языка и литературы московской школы.

«Как мне с ними скучно! Как сложно им передать мой восторг и мою любовь к данной книге, моё преклонение перед гением Булгакова и бессмертием таланта! Ничего не хотят понимать, не хотят думать, размышлять, отстаивать свое мнение. Пассивные члены потребительского общества... А я хочу, хочу разговаривать на равных, хочу спорить, доказывать, убеждать, убеждаться! Я есть! Я здесь! Я умная, развитая, интеллектуально богатая! Оцените меня! Господи! Что я несу?!»

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...», – про себя наизусть проговорила я.

Опять я вернулась к этому предложению. До чего же прекрасная фраза! Она переносит меня прямо туда, я будто слышу эти шаркающие старческие шаги, кряхтение великого полководца, но уже дряхлого, усталого человека».

Вероника тихо вздохнула. Периодически у неё возникали мысли о собственных писательских способностях, но все некогда было их не только реализовать, но и просто озвучить всерьёз. Всё времени не хватает: работа, дети, бывший муж, дела бытовые, семейные, не до писательства. Нет, робкие попытки иногда были: то рассказ, то стихотворение. Конечно, это баловство, да и диплом филолога заставляет быть к себе очень критичной. Но иногда, очень редко, возникала вдруг мысль: вот найдется такая фраза, такое емкое предложение, которое станет каркасом для произведения, и начнётся новая жизнь, свежая и интересная. Где-то глубоко появляется щемящее чувство тоски по творчеству, по самовыражению. Может, это от недостатка внимания, может, от низкой самооценки? А в итоге – разного рода сублимации, поэтому на уроках литературы Вероника иногда заговаривалась, забывая, что перед ней не думающие читатели, любители поэзии и разных жанров прозы, а просто обычные подростки, со своими комплексами, самооценками, мечтами и сублимациями.

Наконец долгожданный звонок. Но урокам ещё идти и идти, не расслабишься. Так, небольшая передышка. На перемене Вероника поделилась со своей довольно близкой подружкой Светланой, преподавателем биологии:

– Свет, вот как ты работаешь, когда тебя не слушают и не понимают?

– А нормально работаю, Ник. Деньги платят и хорошо. Что тебе вечно неймётся? Все смысл жизни ищешь? Что за излишняя рефлексия? Это просто работа, не надо здесь душу никому выворачивать, тем более чужим сопливым детям. Ты все мир хочешь переделать? Забей. Займись собственными проблемами.

– Нет, Свет, я так не могу. Когда русский – тогда в целом нормально. А на литературе постоянно клинит. Я все хочу заставить их полюбить книги, переделать, перевоспитать, хотя прекрасно сама понимаю, что это все в основном бесполезно.

– Ника, ей, вернись! Насильно осчастливить нельзя, да и человек тоже особо не меняется. У этих детишек свои родители есть, и они друг друга стоят.

– Да, понимаю. Половина этих детей в течение этого года ни разу не брала в руки книгу, а четверть только примерно представляет, о чем я говорю, потому что читала пересказ, который предлагает интернет. И в итоге я могу изучать произведение примерно с тремя учениками, но, к сожалению, их жизненный и читательский опыт не позволяет нам говорить на одном языке, на одном уровне. Эту систему преподавания давно пора менять да и сами произведения двигать. Девятиклассник априори не может понять "Мёртвые души".

– Ну вот, ты же сама все прекрасно понимаешь, поэтому забей. Ник, что ты все время рыпаешься? Больше всех надо? Баррикады строишь и сама их преодолеваешь. Спокойнее. Никто не оценит твоего рвения, сама же дурой будешь.

– Да понимаю я сама, но по-другому жить и работать не могу.

Обе помолчали, думая о своём.

– Хоть бы сегодня спокойно домой уйти, без всяких совещаний, безумных конкурсов и вебинаров, – вздохнула Светлана Алексеевна, – а то загоняли уже, гады. Сегодня четверг, а уже две эвакуации провели. Достали своими проверками.

Жить в условиях многозадачности они уже привыкли, но бесконечные проверки действительно выматывали. Школа как социальный объект находилась под прицелом различных организаций, поэтому проверки учеников, учителей, администрации – это современная норма жизни. В понедельник была проверка противопожарной эвакуации. Для этого всех вывели на улицу, на школьный стадион, благо погода позволяла.

Осень щедро раскрасила лиственные деревья, разбавила оттенками скучный зелёный, и все это буйство цвета – на фоне ярчайшего аквамарина неба, манящего своей бесконечностью. В такие деньки хочется как минимум совершить полет на воздушном шаре, оторваться от земли и воспарить, впитывая эту нежную, хрупкую русскую красоту, а уж самые безбашенные мечтатели непременно захотят увидеть из иллюминатора самолёта разноцветное лоскутное одеяло осенней земли. Впрочем, о чем это я? Какой самолёт? Некоторым интереснее смотреть сверху вниз, кому-то – снизу вверх, наверное, это зависит от характера или темперамента человека. Кто-то будет лететь на самолёте... Ну, а мы будем стоять на стадионе школы и ждать, когда же кончится это чиновничье безобразие.

Где-то полчаса длились противопожарные мероприятия; учащиеся переговаривались, радуясь возможности пропустить урок, а учителя, вроде бы расстроенные, что нужно менять что-то в учебном плане, радовались не меньше и наслаждались бабье-летним теплом. Меня совсем не обижает слово "баба" в языке. Сейчас, по-моему, значение его немного изменилось. До 20 века я бы истолковала его как "замужняя крестьянка", но в настоящее время появился в этом слове оттенок пренебрежения, особенно в противовес слову "женщина". А для меня "женщина" – это очень безлико, это обозначение человека женского пола, то есть существа с ярко выраженными гендерными признаками. Женщины у нас есть, но не очень много, на мой взгляд, а в основном бабы. Я баба. Язык не поворачивается назвать себя женщиной. Женщина не пашет на работе полусутками, а потом замертво не падает от домашних дел. Женщина – для красоты, любования, уважения, поклонения. А баба – для работы; на бабе все держится, как на пуговицах: и школа, и производство, и сфера услуг, и семья, и дети, и муж в галстуке, как в анекдоте.

И вот стою я, баба-женщина, греюсь на солнышке, добавляя сорокалетнему лицу пигментные пятна, получая гормоны радости, и сверяю присутствующих учеников со списком и жду окончания этого внезапного, будто украденного, отдыха. Потом опять уроки. И еще один учебный день.

А в среду была антитеррористическая эвакуация. Здесь удовольствия было мало, а лишь сплошные неудобства и озабоченность. Куда, зачем, до которого часа нас поведут и продержат? Школьный корпус эвакуировали в соседнее здание детского сада, продержали там взаперти три часа. Все чуть с ума не посходили. Такое количество детей в маленьком помещении! Детсадовцев посадили всех в один пилон, а школьников – в другой. Малыши испугались, заплакали, началась паника; воспитатели и помощники с ног сбились. Школьникам было чуть проще, это уже подростки двенадцать плюс. Но все равно очень неудобно: помещения маленькие, давка, духота. Сидели долго, ждали команды – все на нервах, пропустили обед. Сколько можно над людьми измываться? Когда все уже были эмоционально истощены, пришла команда отпустить старшекласников домой самостоятельно, а ребят среднего возраста – отдавать родителям. Что за глупость?! Большинство родителей, конечно, работает. Вот и раздавали мы оставшихся детей весь день, до вечера. И сидели некоторые учителя в детском саду до десяти часов. Люди, конечно, возмущались, стали требовать от АДминистрации отгул в каникулы, но привычно получили совет "идти в бизнес", если работа не устраивает, вы, мол, здесь по призванию, и вообще, за такую зарплату можно круглосуточно работать. Господи, как же надоели эти унижения! Наша государственная система, а также социальные институты и различные инстанции призваны воспитывать человека в состоянии перманентного унижения, унижения личности и человеческого достоинства, ибо подобными людьми проще всего управлять.

Кстати, эти эвакуации почти стали для нас нормой. В соседней школе тоже проводили. Дети мои оказались запреты в соседнем же детском саду. Хорошо хоть мама смогла забрать Соню, пока я сидела в заточении.

***

На следующий день Вероника Николаевна нервно шагала в рассадник разумного, доброго, вечного и куталась в капюшон куртки: с утра моросил нудный осенний дождик. Ни следа от вчерашнего бабьего лета! Промозглая и будто нескончаемая осень! А это только октябрь! Кстати, а почему все-таки бабье лето? Откуда это странное выражение? Почему не мужское или мужичье? Женщинам лето нужнее, приятнее что ли? А мужчинам все равно, какая погода? Может, женское отношение к погоде отличается от мужского? Оно более эмо-

ционально? Наверное, мужчина спокойнее относится к капризам погоды, философичнее, как к неизбежности, как к свершившемуся факту бытия. Сомневаюсь, что небольшой дождик с утра способен изменить планы мужчины или испортить ему настроение. Сомневаюсь опять же, что у мужчины изменится настроение оттого, что пришлось отложить любимую юбку, потому что не стоит надевать колготки в дождь, а то забрызгаешь ноги, а стоит вообще надеть брюки, но не потому, что брюки не забрызгиваются, а потому, что под брюки можно обуть более удобную обувь, от которой нет брызг. Во нагородила! Но как-то так. Тоже дурацкое современное выражение. С утра плохое настроение.

Да, уже с утра дела не заладились. Какое-то бестолковое было утро. Даже нормально не попрощалась с детьми. Мама отвела Соню в школу, все опаздывали, суетились, простились скомканно. С Глебом вообще не поговорили, так, дежурные фразы: не опоздай, не забудь карту, не будешь нормально учиться – пойдёшь в курьеры (раньше говорили – в дворники) и т. д. Одно грело: сегодня пятница! Ура! Без комментариев.

Одиннадцатиклассники продолжали терзать Булгакова. Я приготовилась к очередному скучному уроку, как вдруг услышала:

– Вероника Николаевна, я вообще роман не поняла. О чем он? – это спросила Даша Березкина, отличница, будущая медалистка. Я предвкушала долгожданную дискуссию. Наконец – то.

– Роман действительно многогранен, он глубокий, многопроблемный, философский. Что именно ты не поняла, Даша?

– Ничего не поняла. Всё запутано. Ерунда какая-то.

– Может быть, на уроке разберём что-то из того, что ты не поняла?

– Я уже сказала, что ничего не поняла.

– Так не бывает. А ты точно читала?

– Я читала. Немного почитала, потом остальное прочитала в пересказе, хоть Вы и не разрешаете. Но я думала, что будет понятнее! Потом у мамы спросила, а она сказала, что такую муть нельзя детям задавать.

Я потихоньку начала заводиться, но постаралась сдержать себя. Увы, дискуссия не удалась. Я была разочарована.

– Видимо, Даша, не пришло ещё время для понимания произведения, нужна определённая жизненная зрелость, эмоциональное приятие, сопричастность, сочувствие к героям. И вообще я тебя сегодня не узнаю, Дарья.

– Вероника Николаевна, а кому сочувствовать? Дьяволу, что ли?

– И ему, и его свите; и дьявол нуждается в сочувствии, особенно это видно в сцене лечения больного колена.

Я готова была уже вывести беседу непосредственно к теме урока, как вдруг мы все услышали какое-то страшное завывание, какой-то необычный сигнал, и по громкоговорителю объявили, что нужно собраться на втором этаже, в спортивном зале.

Опять урок пропал! Как же они надоели со своими учениями-мучениями! Пусть на кошках тренируются...

Привычным движением я успокоила ребят, взяла под мышку сумку (делать этого, конечно, не нужно по плану эвакуации, но там деньги, телефон, а кабинеты остаются в это время открытыми, поэтому всегда беру), и мы пошли в спортивный зал. Вроде все привычно, отработано, но какое-то смутное волнение меня все-таки охватило. Странно все это. Вроде все уже эвакуации были, в нормативы вошли, все стандартные протоколы оформили, зачем ещё что-то придумали? Когда уже нам дадут детей учить, а не только проверять бесконечно?

А тем временем в спортивном зале стали происходить странные вещи. В помещение ворвались мужчины в камуфляже, балаклавах и с оружием! Я с ужасом наблюдаю. Они подходят к учителям, протягивают им чёрные большие пакеты и заставляют их собирать у учеников мобильные телефоны. Многие ребята сопротивляются, не хотят отдавать свое имущество, но эти военные силой вырывают телефоны и швыряют в целлофан.

– Уважаемые педагоги, успокойте детей, соберите у них мобильные телефоны и сдайте военным. Не паникуйте. В данный момент здесь проходят учения по эвакуации при угрозе чрезвычайной ситуации. Соблюдайте осторожность и следуйте инструкции. Сейчас будем грузиться в автобусы, по два класса в каждый. Педагоги остаются в школе. Кто-то из детей стал плакать и кричать:

– Это никакие не учения, это террористы. Нам всем хана!

Вслед за этим возгласом послышались и другие возражения. Дети отказывались подчиниться требованиям военных, стало больше плачущих.

– Хорошо. Несколько учителей могут остаться с детьми, но не более одного в автобусе.

Вероника Николаевна в замешательстве посмотрела на свой 11 класс, не решаясь двинуться с места. Ещё через несколько мгновений военные стали выталкивать учащихся из спортивного зала, подгоняя их и направляя в стоящие неподалёку автобусы. Веронику догнала Даша.

– Вероника Николаевна, Вы же нас не бросите? Вы же с нами поедете? – с надрывом закричала девочка. – Мне очень страшно! Я потеряла Кирилла! Куда нас собираются везти и зачем? Почему забрали телефоны? Мы в заложниках?

Дарья заплакала навзрыд, и Веронике пришлось её обнять и прижать к себе. Их тут же подтолкнули в раскрытые двери автобуса. Весь 11 класс разместился справа, а 6 «в» – слева. Малыши почти все ревели, старшекласники таращились в окна транспортного средства. Автобусы все были заполнены и колонной тронулись в путь. Зеваки на улице снимали происходящее на телефоны.

Вероника гладила по голове всхлипывающую Дашу и уверяла, что все будет хорошо. Увидели Кирилла, Дашиного друга. Ребята тотчас обнялись. Многие дети плакали, другие их утешали, в целом обстановка сложилась очень напряжённая. Куда их везут? С какой целью? Действительно ли объявлена чрезвычайная ситуация? Кем объявлена и по какой причине? Кто или что им угрожает? Что наконец происходит?

Веронике стало страшно. Она не истеричка, не паникерша, но её бурная фантазия нарисовала тут же несколько кошмарных картин: они заложники и кто-то требует выкуп, они подопытные для медицинских экспериментов, они будут рабами для тяжёлой физической работы и прочее, и страшнее, и кошмарнее, и чудовищнее.

Господи, что за бред?! Как же я устала! Какая длинная, нескончаемая неделя! Хорошо, что мама дома и присмотрит за детьми, пока я незнамо куда направилась не по своей воле. Когда нас всех отпустят и куда мы едем?

Дети, как ни странно, успокоились, пригрелись, стали тихонько переговариваться, кто-то смотрел в окно, кто-то задремал.

Странное поколение: их очень сложно удивить, они слишком понятны сами, очень толерантны, внушаемы. Неужели наступило время стабильности? Не той, о которой нам твердят по зомбоящику, не той, о которой так топят пропагандисты, а настоящей, долговременной? Выросло уже целое поколение людей, воспитанных и повзрослевших при нынешней власти, в нынешней обстановке, довольно сытой, тёплой, медленной, спокойной, как болото, поколение людей, чьи вкусы формирует медийное пространство, кто с удовольствием и беспорядочно потребляет целую кучу благ, товаров, услуг, кто разбирается во всех опциях бесконечных гаджетов, криптовалютах, условиях кредитования и других нужных и ненужных вещах. Это уже в своем нежном возрасте довольно прагматичные люди, чуждые романтических порывов, презирающие нерациональные поступки. И все эти качества и особенности странным образом уживаются с инфантилизмом, бытовой беспомощностью, отсутствием чувства долга, ответственности. Это сложные дети, гораздо более сложные, чем мы были для наших родителей, потому что они родились в другом веке, в другом тысячелетии, в другой стране; между нами пропасть мировоззренческая, интеллектуальная, идеологическая, моральная, нравственная; они самые настоящие нигилисты, анархисты, но при всем при этом толерантны до равнодушия, до безразличия, послушные конформисты. Вероника, к большому своему сожалению, очень редко среди своих учеников встречала по-настоящему целеустремлённых людей, по-хорошему тщеславных, стремящихся к чему-то, добивающихся целей. Чаще всего это были просто очень послушные дети своих целеустремлённых и честолюбивых родителей, которые вопреки всему учились, добивались, поступали и выбивались в люди.

Дети. Алишер

Алишер Зелимханов был наполовину татарин, наполовину казахом, причём "одна половина была не хуже другой" (так шутила его бабушка). Всю свою короткую жизнь он был очень счастливым ребёнком, любимым и оберегаемым; у него была самая лучшая, самая замечательная семья, пока... Пока вдруг маме не поставили диагноз. Рак...

И все изменилось. В его самой лучшей семье с тех самых пор поселился страх. Страх пронизывает все пространство квартиры, страхом дышат все вещи комнаты. Он повсюду, он не даёт вдохнуть полными лёгкими. Алишеру казалось, что с тех самых пор он дышит наполовину, как будто боясь похитить кислород у мамы. Маме ведь нужно все самое лучшее: еда, воздух, и чтобы жила подольше, чтобы не бросала их. Несколько лет назад Алишер и представить себе не мог, что их жизнь так изменится. Раньше они много путешествовали, ходили в

музеи, театры, устраивали грандиозные семейные торжества и милые домашние посиделки. А потом... Больницы, тишина, слезы и этот страх. Алишер вроде считал себя взрослым уже, но, как ребёнок, представлял себе болезнь матери, как что-то одушевленное. Например, страшный моллюск, членистоногое, пресмыкающееся, что-то из мира животных. Он разбирался в диагнозе, знал, что рак – это разговорное слово, бытовое обозначение разного рода злокачественных опухолей, но ничего не мог поделать со своими ощущениями.

Когда мама была в больнице, они все молились, с ужасом ожидая известий. А когда она была дома, было немного полегче, и болезнь как будто отступала, или это мама старалась себя вести так, будто бы ничего не случилось. Она через силу что-то готовила, потом бежала в туалет с мучительной рвотой, а позже пластом лежала на кровати в испарине, с белым лицом. Конечно, все хлопоты по дому взяла на себя бабушка, ещё крепкая, достаточно здоровая женщина, мамина мама. Маме и готовить не нужно было, но она очень хотела, чтобы все было по-прежнему, как раньше, до болезни. Она хорохорилась, особенно когда рядом был он, Алишер. Он видел: если мама была уверена, что он не смотрит на неё, на её лице застывало мученическое выражение, гримаса постоянной боли, и старалась улыбаться, когда он был совсем рядом.

Алишер как мог помогал ей, поддерживал, старался как можно больше времени проводить рядом, изо всех сил учился, хотя ему это тяжело давалось. В учёбе он всегда был твёрдым троечником, но сейчас от него многое зависит: он хочет получить максимально высокие баллы для поступления, выбрать хороший вуз и порадовать мамочку. В свободное время он в основном занимался, сам, без репетиторов. Не то чтобы его семья не могла себе этого позволить, но и богатыми они не были. Зарабатывает один отец, содержит подростка и больную жену. В целом лечение было бесплатным, но все равно денег уходило достаточно: младший медперсонал отблагодарить, лечащим врачам презенты, некоторые лекарства, витамины, хорошее питание. У тёщи – пенсионерки зять денег не брал никогда: считал ниже своего достоинства. Поэтому крутился как мог, пропадал на работе часами, днями, сутками. Алишер очень боялся, что отец надорвется и тоже чем-то заболеет, просил его работать чуть меньше, но тот был непреклонен: он мужчина и его близкие не должны ни в чем нуждаться.

Постоянный страх за мать не давал Алишеру спокойно сидеть на занятиях в школе. Гораздо продуктивнее он занимался дома, когда, придя с уроков и убедившись, что все хорошо, успокаивался и садился за работу. В школе он старался звонить маме каждую перемену. Та ругалась, говорила, что это лишнее. Но он же понимал: ей приятно, ей там страшно одной. Звонить Алишеру нетрудно, он уже привык.

Сегодняшний день не стал исключением. На второй перемене он позвонил, спросил, как мама себя чувствует, на третьей – обменялись сообщениями. На четвёртой опять позвонил, немного поболтали. А на пятом уроке случилось это. Непонятное мероприятие. Когда отбрали телефоны. Это основательно напрягло, но не испугало. Сейчас это закончится, а там и всем урокам конец. И домой. Но это не закончилось. Их всех согнали в автобусы, как скот. Непонятно, куда и зачем повезли. Пока была суматоха посадки, Алишер позвонил маме и сказал, что связь их с этого момента будет ограничена обстоятельствами и что по возможности он позвонит как можно быстрее. Он уже понял, что наличие незаметных "умных часов" под рукавом свитера – это большое преимущество. И это самое преимущество нужно тщательно скрывать, иначе ему мало не покажется. Алишер интуитивно чувствовал, что происходит что-то неправильное. За эти несколько лет болезни матери он научился ждать и терпеть, а также быть внешне спокойным, если этого требовали обстоятельства.

Мама несколько раз набирала ему в ответ, но пришлось выключить звук, чтобы не спалиться. Каждый раз во время виброзвонка сердце стучало так, что Алишеру казалось, будто это громкое буханье слышит весь автобус. Он с ужасом думал, что эти звонки сейчас значили для мамы. Никогда такого не было, чтобы он не ответил на её звонок, а тут такое. Он мысленно

молился, чтобы она не сильно волновалась, чтобы ей не стало плохо. К её болячке не хватало ещё давления или вообще сердце прихватит.

Алишер понимал, что если он выдаст себя, то вообще останется без связи, а это страшнее, чем расплата за этот косяк. Да, он сныкал часы, но неизвестно, во сколько он вообще домой вернётся и когда он сможет успокоить мать.

Когда их привезли в то место, Алишер не стал торопиться звонить. Нужно было все понять, разузнать, найти подходящее время и место для звонка. И ещё нужно было, чтобы и свои не заметили, что есть связь. Не, он не жадный, но спалится быстрее, если кому-то ещё даст звонить предкам. Понятно, что всем трудно, но ему труднее.

Для осуществления звонка Алишеру пришлось тайно подняться на второй нежилой этаж, найти там укромное местечко и тихонько позвонить.

– Мам, это я. Слушай внимательно, не перебивай. Может быть и такое, что я долго не смогу позвонить тебе. Пожалуйста, не волнуйся. У меня просто села батарея в телефоне, а Миха меня позвал в одно местечко. Я отойду с ним. Может, задержусь немного. Ты не волнуйся.

Все это Алишер выпалил на одном дыхании, скороговоркой, почти шёпотом, не задумываясь, что он говорит и поверит ли ему мама. Нужно говорить быстро, без перерывов, чтобы она не смогла вставить ни словечка.

– Алишер, дорогой, что случилось? У тебя все нормально? Такой голос странный...

– Да, мам, все хорошо. Связь плохая, мы в цоколе торгового центра. Позже позвоню. Не волнуйся. Пока!

– Ладно, пока. Осторожнее там.

Ладони вспотели, сердце ходило ходуном в грудной клетке, во рту пересохло.

Никто не услышал? Эти козлы с рациями по пятам ходили за ними. Стремно. И Алишер тихонечко вернулся к своим. Вроде не заметили.

Дети. Стас

Корнилов Станислав успел с утра поссориться с матерью. Он опаздывал в школу и попросил сделать ему завтрак. Мать вроде обещала, потом отвлеклась, оставилась в телефон, листала какие-то страницы и забыла о просьбе сына. Стас вышел из ванной, на ходу приглаживая влажные волосы.

– Мам, ну что? Даже чаю не налила? Ну, неужели сложно? Я же не прошу блинов там, сырников каких, каши. Можно тупо чаю сделать своему единственному ребёнку хоть иногда? Ни обеда дома, ни ужина, да можно хоть иногда что-то сделать? Все в интернете сидишь?

Надежда Ивановна всплеснула руками, вскочила с табуретки, заметалась по кухне.

– Ой, не заметила, как время прошло. Подожди, Стасик, сейчас сделаю, – засюсюкала она.

– Спасибо, уже не надо. Ждать уже не могу.

– Прости, на вот стольник, в школе купишь что-нибудь.

– Ладно, забей, – устало проговорил Стас. – Хоть постирать-то сможешь сегодня? Мне уже надеть нечего, все в стирке. Всё, я пошёл. Давай.

– Да, давай. Иди. Я постираю, постараюсь не забыть.

Стас шёл в школу и уже совсем не злился. Он привык. Так всегда. Он сам по себе, она сама по себе. Трудно представить, что они мать и сын и когда-то были одним целым. Жаль, что человек ничего не помнит из своего раннего детства. Он, Стас, ничего не помнит. К сожалению. Максимум, школьные годы. Даже детский сад не помнит. Наверное, он там сидел один до вечера, пока мать не вспоминала, что надо его забрать.

В школе она бывала, но лучше бы не ходила. У некоторых матери – интересные женщины, яркие, успешные, красивые. А она какая-то суетливая, бестолковая, жалкая какая-то. Нет, я люблю её, конечно, кроме неё, у меня никого нет. Да и она меня любит, уверен. Но как-то

все не так, не так, как у всех. Никогда не обнимала, не целовала, не помню такого. Может, когда-то давно? И живет как-то незаметно, как будто оправдывается перед кем-то, извиняется. Почему так? Может, потому что профессия такая? Мать – медсестра, привыкла быть в тени врача, всем помогает, услужливая такая, безответная, со всеми соглашается, не спорит никогда. Работу свою вроде любит, ходит каждый день, с утра до обеда или с обеда до вечера. Но никогда никакую подработку не берет. Нет бы уколы кому делала в свободное время, денег бы заработала. Вроде и не жалуется на усталость, так, посидит, поспит, поест без интереса и в телевизор или в телефоне сидит. Книжку в руки не возьмёт, ничего вкусного не приготовит. Ни жарко от неё, ни холодно. Тепло вроде. Вроде есть мать. А вроде и нет.

Может, так и надо? Каждому свое? Зачем она меня тогда родила? Хотела очень? Вряд ли. Судя по её темпераменту, она очень редко чего-то хочет. Про отца мне особо не рассказывала. Типа того, что лётчик, не гнала. Говорила, что женат был и разводиться не хотел, а потом и вовсе уволился из поликлиники. Это ещё до моего рождения было. Я хотел его найти, но мать не дала. Тогда она искренне удивилась, зачем мне это. Ну, как ей объяснить? Любой нормальный человек хочет знать, кто его родители. Никаких контактов не дала. В свидетельстве о рождении стоял прочерк и фамилия матери. Вот такая у нас семья. Смешное слово. Наверное, когда-то давно оно было говорящим: семь "я"; детей тогда много рожали. А нас всего двое – какая это семья? Да и нас – то особо нет. Есть она и есть я.

В школе Стас первым делом стал искать взглядом Дашу Березкину. Нашёл – и успокоился. Какая она красивая! Прямо куколка! Что она здесь делает?! Красота неземная, инопланетянка какая-то: глаза огромные, василькового цвета, великолепные светлорусые волосы, свободно распущенные по плечам, красивой формы нос, пухлые губы, чуть влажно поблескивающие, и миниатюрная фигура фарфоровой статуэтки. Стас привычно залюбовался Дашей, но, поймав её насмешливый взгляд, тут же отвёл свой.

Девушка сидела за одной партой с Кириллом Плетневым, своим бойфрендом. Они встречались уже второй год. И, кажется, были счастливы друг с другом. Говорят, что они живут вместе, но Стас не верил. Ещё чего! Неужели родители позволяют? Не верил. Или не хотел верить.

Стас безнадежно был влюблен в Дашу с пятого класса, с тех пор как она перешла в их школу. Кукольная внешность девочки навсегда пленила двенадцатилетнего подростка, тогда самого неказистого и неинтересного в классе. К десятому классу Стас вытянулся, стал обладателем прекрасной атлетической фигуры и неплохой внешности. Любимая девушка даже стала обращать на него свое милостивое внимание, но тут случилось это: появился неожиданно-негаданно в их классе он, Кирилл Плетнев, этот бедбойс уличный, и все, кончился мир и покой в душе Стаса, и пропала всякая надежда на взаимность Даши. Они как с Плетневым сели вместе 1 сентября, так больше и не отходили друг от друга. Стас сначала не сдавался, он всеми своими возможностями пытался завоевать сердце красавицы, но потерпел сокрушительную неудачу: Даша смотрела Кириллу в рот, восхищалась всем, что он говорил и делал. А Стасу оставалось только исподтишка наблюдать за влюблёнными с настойчивостью маньяка-мазохиста и все больше замыкаться в себе.

Поэтому сегодняшнее странное приключение, как это ни странно, понравилось Стасу; оно давало возможность дольше находиться рядом с объектом своей страсти, мечтать и фантазировать на разные темы. Их приезд на базу он воспринял как свою последнюю попытку приблизиться к Даше в неформальной обстановке и хотя бы обратить на себя её внимание.

Взрослые. Вероника

А тем временем автобус все ехал и ехал, в окошках мелькали разноцветные деревья, как кадры какого-то яркого фильма.

Куда же их все-таки везут? Уже часа два примерно едем. Некоторые стали проситься в туалет. Вероника обратилась к водителю автобуса, чтобы сделал санитарную остановку. Тот ухмыльнулся, пробормотав, что не положено и что не в пионерский лагерь едем, но потом добавил, что скоро уже приедут.

Примерно через полчаса автобус остановился, дверь открылась и появился человек в гражданском и с чёрной медицинской маской на лице.

– Здравствуйте, ребята. Сожалею, что вам пришлось испытать некоторые трудности в дороге. Вы приехали в пункт временного размещения, где вам придётся немного задержаться до стабилизации эпидемиологической обстановки в городе. Сейчас вы расположитесь на базе, отдохнете и вас покормят. Расходиться нельзя, убегать нельзя, собираться большими группами нельзя, а можно только выполнять распоряжения дежурного и слушать вашего педагога.

– А вопрос можно? – спросил Кирилл.

– Вопросов тоже нельзя. Все, что вам нужно знать, вам расскажут позже.

Двери автобуса раскрылись, мужчина вышел. Появилось несколько военных в камуфляже и балаклавах, дети стали выходить и следовать до места в сопровождении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.